

**Отзыв официального оппонента
доктора филологических наук, профессора Павловой Ларисы Викторовны
о диссертации Кибальниченко Сергея Александровича
«Реализация “основного мифа” Вяч. Иванова в трагедии “Прометей”»,
представленной на соискание учёной степени кандидата филологических наук
(специальность 10.01.01 – русская литература)**

Диссертация Сергея Александровича Кибальниченко – результат многолетнего целенаправленного исследования проблемы, важность которой для характеристики художественного мира автора, и особенно автора-символиста, коим является Вячеслав Иванов, трудно переоценить. Авторский миф, своего рода сценарий художественного мира, реализуемый с разной степенью интенсивности, но неуклонно, – одно из надёжных оснований того, чтобы символистское произведение не превратилось в закрытый до непроницаемости текст, смысл которого доступен лишь немногим посвящённым.

Авторским мифам Вл. Соловьёва, А. Блока, Андрея Белого, А. Ремизова уделено значительное внимание исследователей, тогда как «основной миф» Вячеслава Иванова, присутствие которого настолько ощутимо в его творчестве, что воспринимается как нечто само собой разумеющееся, до сих пор не удостоился специального исследования. Научная новизна рассматриваемой диссертации заключается в реконструкции «основного мифа» Вячеслава Иванова, наиболее отчётливо, по мнению С.А. Кибальниченко, проявившегося в драматургии, прежде всего в трагедии «Прометей».

Выбор материала исследования вполне оправдан: Вячеслав Иванов придавал своей второй завершённой трагедии исключительное значение. В «Переписке из двух углов», в период между двумя мировыми войнами снискавшей Иванову всеевропейскую известность, он отмечал: «Философия культуры в устах моего Прометея – моя философия». Особый статус «Прометея» как произведения, «вобравшего в себя все заветные мотивы» поэзии Иванова (Ю.К. Герасимов), отмечался всеми, кто так или иначе обращался к анализу этой трагедии.

Рассмотрение разнородного творчества мэтра русского символизма как некоего метатекста, основанного на «единстве миросозерцания» автора, актуально на данном этапе развития иванововедения. Исследование С.А. Кибальниченко находится в русле этого современного подхода, существенно дополняя и корректируя представление о значимости в авторском метатексте драматических произведений, которым, как правило, отводится определённое, но не сопоставимое с книгами лирики и сборниками филологических статей место.

Избрать актуальную проблему исследования либо актуализировать тот или иной её аспект невозможно без хорошего знания литературы вопроса. Автор диссертации уверенно ориентируется в трудах российских и зарубежных учёных-филологов и философов по интересующей его теме. Обращение к включённым в список литературы трудам всегда уместно, не избыточно, цитирование корректно.

Трагедии «Прометей», несмотря на её этапное значение в творчестве Иванова, до сих пор не было посвящено ни одного крупного исследования: ни диссертации, ни монографии. Наиболее значительные работы, на наш взгляд, принадлежат Г.А. Степанову

(«Идея “соборного театра” в поэтической философии Вячеслава Иванова»), Л.М. Борисовой («Трагедии Вяч. Иванова в отношении к символистской теории жизнетворчества») и М. Цимборска-Лебода («Прометей и Пандора, или Мифопоэтическая антропология Вячеслава Иванова (на материале трагедии “Прометей”»)). Каждая из них, при всей принципиальной значимости и новизне, затрагивает лишь один из аспектов сложнейшего ивановского текста: Г.А. Степанов сосредотачивает своё внимание на театроведческих концепциях поэта-символиста, Л.М. Борисову трагедии Иванова интересуют прежде всего как опыт реализации мистических утопий символистов, М. Цимборска-Лебода проецирует мистико-символические воззрения Иванова на святоотеческую антропологическую триаду: тело, душа, дух. С.А. Кибальниченко – первый исследователь, кто поставил задачу комплексного, монографического исследования имманентной семантической структуры «Прометей». Во Введении диссертант отмечает факт своего первенства в решении этой существенной исследовательской задачи, однако, на наш взгляд, уделяет ему мало внимания, слишком лапидарно описывая концепции своих предшественников и не определяя своего к ним отношения.

Формулировки цели, задач, объекта и предмета исследования, иных основных показателей научного исследования представлены, как и положено в сочинения подобного жанра, во Введении. Для того чтобы качественно выполнить задачи, необходимые для достижения поставленной цели – реконструировать авторскую версию мифа о растерзании Диониса на основании сюжетно-композиционного строя трагедии «Прометей» – потребовалось привлечь целый комплекс методологических подходов и методов (описательного, историко-литературного, герменевтического, мифопоэтического, структурного). Грамотное использование этих методов обеспечило разносторонний анализ текста и получение достоверных и проверяемых результатов. Чёткие формулировки большей части обязательных пунктов Введения не вызывают вопросов, тогда как на положениях, выносимых на защиту, хотелось бы остановиться особо: бесспорно нуждающимися в защите нам представляются первые четыре положения, тогда как восьмое положение уже вполне утвердилось в иванововедческих штудиях; положения с пятого по седьмое включительно представляют собой выводы, соответствующие отдельным этапам исследования; фактически они выстраиваются в связный текст, лишь формально разделённый на отдельные пункты.

В Главе I «Трагедия “Прометей” в контексте духовных исканий Серебряного века» дано описание «релевантных для формирования неомифологической концепции Вячеслава Иванова литературных и философских источников» (С. 6). Суть ивановского неомифологизма диссертант видит в символическом совмещении языческого дионисийства и христианской мистериальной сотериологии, которое постулируется и раскрывается самим Ивановым в трактате «Эллинская религия страдающего бога». По мнению С.А. Кибальниченко, ключевую, если не исключительную, роль в формировании этой неомифологической концепции, а вслед за ней и идейно-символической структуры трагедии «Прометей», сыграл трактат Фридриха Ницше «Рождение трагедии из духа музыки» (см. 1.1. «Вячеслав Иванов и “страдающий бог” Фридриха Ницше»). Сопоставление весьма традиционное, превратившееся за полвека развития иванововедения в общее место, но каждый исследователь, безусловно, имеет право вновь

обратиться к нему, если это необходимо для достижения собственной исследовательской цели.

Отметив традиционность, даже неизбежность ницшеанского присутствия, отдадим должное автору диссертации: он не останавливается на констатации общеизвестных влияний Ницше на теоретические воззрения и художественную практику Иванова. С.А. Кибальниченко интересуют не только «точки притяжения», но и «точки отталкивания», характеристика которых позволяет судить об оригинальной позиции русского поэта-мыслителя. Внимание исследователя, в соответствии с темой его диссертации, сфокусировано на «незримых нитях», которые связывают драматургические произведения Иванова с «Рождением трагедии из духа музыки».

И всё же сведение круга литературно-философских подтекстов «Прометей» почти исключительно к Ницше, на наш взгляд, является значительным упрощением. В своих рассуждениях об образе Прометей диссертант упоминает исследование А.Ф. Лосева «Мировой образ Прометей», вошедшее в состав книги «Проблема символа и реалистическое искусство». В ней Лосев анализирует драматическую трилогию французского символиста Жозефа Пеладана «Прометиада» (1895), рассматривая её как одну из вершин европейского модернизма в развитии прометеевской темы. По меньшей мере три особенности этого философско-мистического текста заставляют взглянуть на него как на литературно-философский претекст ивановской трагедии, возможно, не менее влиятельный (хоть и малоизвестный), чем трактат Ницше. Во-первых, это удвоение образа божества: Прометей у Пеладана служит Абсолюту (премирный Зевс у Иванова) и враждует с Зевсом (у Иванова – Зевс-Кронид), который является правителем вселенной, но не её творцом и спасителем. Второй момент сходства – введение в действие Пандоры как мистического двойника Прометей. Третий – христианизация античного сюжета, при которой Прометей становится не столько бунтовщиком и даже демиургом, сколько апостолом Абсолюта, мучеником и пророком. К сожалению, этот сюжет ускользает от внимания диссертанта, хотя среди задач исследования была поставлена и задача отыскать и описать возможные литературно-философские претексты ивановского «Прометей».

Теоретической и практической разработке воспринятой Ивановым от Ницше идеи о связи трагедии с культовым (т.е. религиозным) дифирамбом посвящён второй параграф «Рождение трагедии из культового дифирамба». Наибольший интерес здесь, на наш взгляд, представляет последовательное выявление и характеристика связей между дифирамбом «Факелы» и трагедией «Прометей». Если близость темы и образа античного титана как творца рода человеческого очевидна, то значение и функции Океанид, смысл совершаемого таинства – «огненного действия», жанрово-стилистические различия – выявлены исследователем в ходе скрупулёзного анализа текстов.

В параграфе третьем «Судьба трагедии “Прометей”» С.А. Кибальниченко рассматривает как внешние факторы, повлиявшие на неприятие современниками трагедии «Прометей», так и внутренние причины возникшего отторжения. Справедливым следует признать утверждение автора диссертации, что основной причиной произошедшего является массивный эзотерический подтекст, предполагающий наличие у зрителя, читателя, даже имеющего опыт общения с символистскими текстами, особых знаний и приложения чрезвычайных усилий.

Смысловым ядром диссертации является Глава II «“Основной миф” в творчестве Вячеслава Иванова». Глава посвящена доказательству тезиса, что трагедия «Прометей» «представляет собой языческую версию Книги Бытия, содержащую смутные пророчества о грядущем пришествии Христа» (С. 106). Здесь заключено одно из главных аналитических достижений диссертанта. В иванововедении сложился исследовательский консенсус относительно того, что семантическая структура как ивановского художественного мира в целом, так и каждого отдельного образа-символа представляет собой объемную, многомерную, стереоскопическую структуру. «В <...> символ растерзанного и возрождённого Диониса укладывается добрая часть поэзии Иванова», – писал некогда Ф.Ф. Зелинский. Завершал он эту мысль выводом, с которым созвучен ход размышлений автора рассматриваемой диссертации: «<...> так как это именно символ, а не аллегория, то он допускает очень разнообразное понимание и появляется перед умом поэта в самых различных образах».

Мысль о том, что трагедия «Прометей» зиждется на мифологическом основании, которым становится орфический миф о растерзании Диониса-Загрея титанами, является краеугольной, «основоположной» (если употреблять ивановский окказионализм) для автора диссертации. Этот миф рассматривается как своеобразная матрица, архетипическая схема, которая, ложась в основу мировидения Иванова, позволяет ему осмысливать основные бытийные, мистические и антропологические закономерности. С.А. Кибальниченко удачно подхватывает ивановское определение орфической мифологемы и убедительно доказывает его сюжетообразующий статус. Распутывая сложный клубок смыслов, закрученный Ивановым в своей трагедии, диссертант раз за разом показывает, как мифологический архетип продуцирует, оформляет каждую сюжетную коллизию, каждую значимую мотивно-образную ситуацию, из совокупности которых строится трагедия.

Интерпретации «основного мифа», смысловым средоточием которого является символ растерзанного титанами Диониса, представлены в первом параграфе Главы II (2.1. «Научная и художественная версии “основного мифа”»). С опорой на академические труды Вячеслава Иванова («Эллинская религия страдающего бога», «Дионис и прадионисийство») С.А. Кибальниченко убедительно и объёмно воссоздаёт научную версию «основного мифа», для воссоздания художественной версии обращается к поэтическим произведениям: «Орфей растерзанный», «Океаниды», поэма «Сон Мелампа», трагедия «Прометей». В этих разнородных и разножанровых произведениях действительно с большей или меньшей степенью развёрнутости представлены компоненты искомого мифологического сюжета. Однако в преамбуле второй главы было сказано о стремлении «“собрать” воедино этот сюжет, разбросанный по многим произведениям Иванова» (С. 55). В действительности же сюжет реконструируется, прежде всего, на материале нехудожественных работ Иванова, анализ всего четырёх, хотя и чрезвычайно значимых, художественных произведений заставляет увидеть в финальном выводе красивое, но чрезмерное в силу недостаточной аргументированности обобщение: «Если же весь поэтический космос Вячеслава Иванова уподобить “древу тайному”, нарисованному в стихотворении “Дриады”, то миф о растерзании младенца Диониса окажется тем “стволом великим”, который “одержит” (I, 747) весь этот удивительный мир» (С. 74).

Весьма увлекательным в этой главе нам показался второй параграф («Парадоксы дионисийской антропологии»). Интерес подогревается интригой: диссертант последовательно излагает и отвергает известные объяснения «безликости» созданных Ивановым человеческих образов (от наивного предположения «Иванов не умеет писать трагедии» до глубокомысленного размышления о своеобразно понятом Ивановым отношении Достоевского к редуцированию образности с целью преодоления «помех», препятствующих восприятию смысла). Тем самым автор диссертации заставляет с нетерпением ожидать собственного ответа на вопрос, чем объясняется отсутствие индивидуальности образов людей в ивановском «Прометее». И С.А. Кибальниченко не обманывает ожидания читателя, завершая параграф убедительным, подкреплённым большим количеством аргументов, органичным контексту не только рассматриваемой поэмы, но и всему творчеству Иванова объяснением, закономерно отсылающим к дионисийской мифологии с её отчетливыми имперсоналистическими антропологическими тенденциями.

В заключительном параграфе Главы II («Ветхий Завет в эллинизме») С.А. Кибальниченко возвращается к ключевой мысли о семиотической многослойности, характерной и для драматургии Иванова: ключевые мотивно-образные ситуации трагедии «Прометей» предполагают двойное прочтение, будучи построены на сопоставлении языческого и ветхозаветно-христианского семантических уровней. Ветхозаветное творение человека, сочетающее земное (прах) и небесное (дух), «рифмуется» с демиургическим актом Прометея, сочетающего при творении человека титаническое и дионисийское начала. Как языческий аналог грехопадения расценивается в трагедии преступление титанов, в основе которого лежала воля к обособленному бытию, вдали от источника бытия божественного. Эсхатологические мотивы возвращения в земной мир «сердца» Диониса, т.е. его вечной божественной сущности, выражаются с помощью новозаветных притч о сеятеле и о семи девах.

В Главе III «Образ главного героя в трагедии “Прометей”» автор диссертации кропотливо выстраивает монографическое исследование заглавного образа трагедии. Не останавливаясь подробно на характеристике каждого параграфа, отметим главное: С.А. Кибальниченко первым описал основополагающий принцип, на котором строится образ Прометея. Его можно обозначить как амбивалентную многоиспостасность. Диссертант очень деликатно и терпеливо вскрывает символическую сложность, семантическую многослойность центрального образа, убедительно показывая, что Иванов трактует Прометея и как демиурга, и как теурга, и как богоборца, и как художника. Эта гипертрофированная сложность образа Прометея намеренно конструируется Ивановым, поскольку Прометей становится олицетворением мистико-антропологических глубин человека.

Общеизвестно, что качественное диссертационное исследование, обращённое к насущной проблеме, обладающее новизной и актуальностью, приглашает к дискуссии. По ходу отзыва было высказано несколько замечаний, побуждающих диссертанта пояснить свою точку зрения. На финал отзыва осталось два вопроса. Первый является продолжением уже высказанного сомнения, достаточно ли контекста нескольких художественных произведений («Сон Мелампа», «Орфей растерзанный», «Огненосцы» и др.) для констатации основополагающего статуса орфического мифа не только в

теоретическом, но и в художественном дискурсе Иванова. Осознаёт ли диссертант опасность подобного подхода, грозящего превратить высокохудожественную поэзию Вячеслава Иванова в иллюстрацию к его религиозно-философским построениям?

Второй вопрос также возвращает нас к уже высказанным ранее сомнениям. Обоснованно ли делать ницшеанский подтекст краеугольным камнем при описании символики «Прометей»? Не следует ли, учитывая дистанцирование Вячеслава Иванова от наследия Ницше к концу 1910-х гг., искать фундамент философско-мистической символики «Прометей» в другом культурном пласте, например, в античном неоплатонизме, отшлифовавшем орфическую мифологию и во многом определившем теоретические выкладки Иванова в научных работах о дионисийском культе?

Сделанные в отзыве замечания и заданные вопросы свидетельствуют не о недостатках исследования, а о важности поставленной проблемы, о несомненной теоретической и практической (исследовательской и научно-дидактической) ценности диссертации.

Работа прошла достойную апробацию на конференциях различных масштабов и в двенадцати публикациях, в числе которых четыре статьи в журналах, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов кандидатских и докторских диссертаций, а также монография. Публикации и автореферат адекватно отражают основное содержание диссертации и основные положения, выносимые на защиту.

Диссертационное исследование С.А. Кибальниченко «Реализация “основного мифа” Вяч. Иванова в трагедии “Прометей”» представляет собой научно-классификационную работу, в которой решаются задачи, имеющие существенное теоретическое и практическое значение для филологии. Диссертация соответствует всем требованиям «Положения о порядке присуждения учёных степеней» (утв. постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 года, № 842), а её автор, Кибальниченко Сергей Александрович, заслуживает присуждения искомой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

Доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры литературы и журналистики
ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет»

Павлова Лариса Викторовна,
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры литературы и журналистики
ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет»
214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4
(4812) 70-02-01, (4812) 38-34-70
e-mail: rectorat@smolgu.ru; uchotdel@smolgu.ru

30.11.2017